

Споръ Чая съ Виномъ. *)

(Переводъ съ Алтайскаго)

Къ Таткууру*) пришелъ чай на вино суда просить. Таткууръ спросилъ: „Кто отецъ, воспитавшій тебя? Кто мать, вскормившая тебя? Гдѣ родина твоя? Гдѣ постоянное жительство твое? У звѣря—шерсть, у человѣка—имя. Скажи: кто ты и откуда? Если за дѣломъ пришелъ, говори о дѣлѣ, а если дѣла нѣтъ, уходи вонъ!

И сказалъ чай: „мой отецъ—земля, моя мать—вода. Родина моя—Китай, жительство—городъ. Я—питье народа, какъ молоко изъ груди. Я—чай, удовольствіе людей. Я—купеческій товаръ; меня перевозятъ на вьюкахъ. Я—лица двурукихъ, густо завариваемая для питья. Въ Китаѣ я жилъ въ нѣгѣ; а когда пришелъ на Русь, то вино отняло мое мѣсто. Всѣ имъ торгуютъ. Имъ наполнились лавки купцовъ; имъ наполнилось чрево двурукихъ. Разошлось оно по всѣмъ селеніямъ, поднялось и на Алтай. Раззорило подданныхъ царя, всѣхъ ввело въ долги. Покорило себѣ народъ, отняло у него ясакъ. Суда прошу у тебя.“

Таткууръ сталъ допрашивать вино: „гдѣ ты живешь? гдѣ родина твоя?“

Отвѣчало вино: „живу въ городѣ, родился въ винокурѣн. Отецъ мой—колодникъ а мать моя—хмѣль“.

Таткууръ сказалъ: „о тебѣ ходитъ дурная молва, что ты завладѣлъ мѣстомъ, принадлежавшимъ чаю. За чѣмъ ты отнялъ

*) Эта поучительная, предназначенная для Алтайскихъ инопородцевъ статья, принадлежитъ перу извѣстнаго престарѣлаго (нынѣ заштатнаго) Алтайскаго мисіонера свящ. Михаила Васильевича Чевалкова и написана въ цѣляхъ ослабленія сильно развитаго среди инопородцевъ пьянства. Написана она въ чисто національномъ духѣ, языкомъ сжатымъ и образнымъ и на читающихъ и слушающихъ инопородцевъ всегда производила и производитъ сильное впечатлѣніе.

*) Таткууръ—мѣшалка, которою пробуютъ вино.

мѣста на базарѣ, гдѣ торговали чаемъ? Зачѣмъ переманилъ купцовъ, что привозили вьюками чай для продажи? Зачѣмъ ты загородилъ дорогу чаю на базарѣ? Зачѣмъ ты заморилъ дѣтей у тѣхъ, кто пилъ чай? Зачѣмъ ты завладѣлъ столами, на которыхъ пили чай вставшіе съ постели? Зачѣмъ ты ограбилъ деньги, которыя платили за чай?”

Отвѣчало вино: „не погнѣвайся, мой Таткууръ!“ Я—другъ отвѣдавшихъ меня, я—голосъ изъ гортани тѣхъ, кто въ сладость пьетъ меня. Неповоротливыхъ я съ крикомъ подымаю на ноги. Кто не сходилъ съ постели, тотъ у меня ходитъ по улицамъ. Кого нельзя было обмануть, тотъ, напившись, обманывался. Несловоохотливую заставляю шутки говорить. Чванливую заставляю въ дудку играть. Не погнѣвайся, мой Таткууръ. Не вѣрь чаю, въ коемъ вкусу нѣтъ. Вины на мнѣ нѣтъ. Меня знаютъ многіе. Я—пріятность быстротечной воды. Я—масло изоржи. Я—угощенье у народа. Я—хлѣбъ—короюнкъ; я слуга купцовъ. Меня передаютъ изъ руки въ руку. Я играю на оконечностяхъ пальцевъ. Не боюсь, видя медвѣдя, не отскочу отъ пули.

Таткууръ спросилъ: „найдешь-ли ты вину въ чаѣ? Скажи, что говорятъ о немъ худаго?“

Отвѣчало вино: „А что добраго въ чаю, который портитъ снины у воловъ? Чѣмъ лучше меня чай, что расплавливаетъ мѣдные котлы? Чѣмъ лучше меня этотъ байковый чай?“

Тогда чай сказалъ: „кто меня пьетъ, у тѣхъ мозгъ разгрѣвается и тѣло потѣетъ. А кто тебя (вино) пьетъ, тотъ ходитъ и шатается. Не вино-ли уводитъ изъ дому и сбиваетъ съ пути? Не короюнкъ-ли истребилъ скотъ, что въ ущельяхъ горъ? Не сила ли вина раззорила имѣнія людей? Вино лишило многихъ зрѣнія. Вино обезсилило старцевъ. Вино переломало руки двурукихъ. Вино изломало ноги двуногихъ. Вино опорочило безпорочныхъ.“

И сказало вино: „ты не дашь туку тому, кто пьетъ тебя; ты не ободришь того, кто напьется тебя.“

Чай отвѣчалъ: „а ты свѣтишь подобно огню, загорѣвшемуся въ потьмахъ. Ты похищаешь, подобно вору. У тебя праздничаютъ праздношатающіеся. Ты отнимаешь, подобно барантачу. Ты поднимаешься въ голову и раздражаешь пьющаго; женѣ и дѣтямъ его причиняешь слезы. Ты прикосновеніемъ своимъ возбуждаешь тѣло. Ты производишь между людьми драку. Упившіеся до пьяна бьютъ матерей своихъ. Напившіеся до безумія бьютъ и отцевъ своихъ. Напивающіеся до сыта ходятъ безъ одежды. Упивающіеся чрезъ мѣру остаются безъ лошадей, иѣвшия. Вино лишило сиротъ хлѣба. Вино обезобразило красоту. Вино пустило иѣшкомъ богатаго; вино отдало дѣтей его въ услуженіе. Вино породило ссору тамъ, гдѣ ея не было. Вино раздражило желчь и погубило пьяницу.“

Вино сказало въ оправданіе свое: „не порицайте меня.“ Обмана во мнѣ нѣтъ. Но меня пьютъ тѣ, кто не печется о себѣ, оттого они ходятъ, пошатываясь въ сторону. Не обвиняйте меня. Я—вино, что расширяетъ утробу. Но меня пьютъ, покупая въ кабацѣ, и ходятъ, покачиваясь. Не браните, меня! Я—вино, очищающее мозгъ. Но люди пьютъ меня запойми, и оттого не могутъ раскрыть глаза, чтобы смотрѣть ими. Не кляните меня: я вино, дающее утѣху пьющимъ; но они пьютъ меня безъ страха и не вспоминаютъ о бѣдствіяхъ, кои будутъ впереди. Сильно не браните меня: я—вино, годное для свадьбы. Но люди пьютъ меня безъ опасенія, оттого катаются, какъ чурки. Не ругайте меня: я вино, которымъ люди угощаются; но меня пьютъ и утучняются, не зная вреда, что будетъ впереди. Не поносите меня: я слава для торгующихъ; но меня пьютъ, не подумавши, забывая о нищетѣ, какая придетъ на нихъ. Напрасно не злословьте меня.

Я—вино, коимъ угощаются родные. Но пьютъ меня чашами до дна, забывая о бѣдѣ, которая будетъ. Не браните меня бродягой: я—вино, чтобы потчивать гостей. Но меня пьютъ безъ остатка, не помня о потерѣ мира. Не злословьте меня среди народа: я—вино, что пьютъ на утѣшеніе; но меня пьютъ, отдавая послѣднее, и не думаютъ о бѣдности, какая будетъ послѣ. Не нападайте на меня съ бранью! Я—вино; меня пьютъ, когда сватаютъ невѣсту, но пьютъ, не жалѣя выдаваемого и забывая о бѣдѣ, въ которую впадутъ. Не проклинаяте меня: я вино, коимъ угощаютъ брата; но меня пьютъ, отдавая послѣднее, забывая о будущемъ кровопролитіи. Не говорите на меня напрасно: я—вино, коимъ угощаютъ зятя. Тратятъ серебро, чтобы пить меня, а не знаютъ того, что теряютъ трудовые дни свои. Не говорите злобно обо мнѣ: я—вино, заставляющее цѣловаться. Продаютъ сѣно и пьютъ меня, не думая о гибели своей. Не называйте меня плохимъ: я—вино, которое пьютъ для бодрости. Продаютъ дрова и пьютъ меня, не думая, что послѣ будутъ на улицѣ валяться. Не говорите о мнѣ съ раздраженіемъ: я—вино, что пьютъ для дружбы; но пьющіе не думаютъ о Богѣ, и не знаютъ о могущемъ быть убійствѣ.“

Таткууръ сказалъ: „не знаетъ ли кто либо, что въ тебѣ добраго и дурнаго?“

„Что добро и что худо во мнѣ и въ чаѣ, вамъ самимъ должно бы быть извѣстно. Однакоже скажу. Покупаютъ меня въ кабаки и бьютъ женъ своихъ. Напьются мертвецки и бьютъ дѣтей своихъ. Напившись до пьяна, злословятъ мать свою. Напьются безъ мѣры и ругаютъ отца своего. Кто умеръ собачьей смертью? Пьяница. Отчего народъ встревожился? Отъ вина человѣкъ, говорятъ, умеръ. Кого тащатъ въ судъ? Пьяницу, у котораго страха нѣтъ. Кого посылаютъ въ ссылку? Пьяница едѣлалъ преступленіе и его гонятъ на поселеніе

Кого сѣкутъ розгами? Того, кто пилъ сколько было мочи, и сдѣлалъ преступленье. Надъ кѣмъ смѣются мужчины? Надъ пьяной женщиной. Все это не отъ меня, а отъ того, кто пьетъ на вредъ себѣ. Насильно не вхожу въ того, кто пьетъ по многу. Не топлю ихъ въ себѣ, какъ въ закрытой лужѣ.“

Таткууръ сказалъ: „тотъ въ народѣ худъ, кто пристрастенъ къ вину. Въ винѣ вины я не нашелъ. Если въ огонь сунешь руку, рука сгоритъ. Если безъ мѣры будешь пить, весь сгоришь. Не умретъ-ли тотъ, кто соскочитъ со скалы? Не сгоритъ-ли тотъ, кто не выходитъ изъ кабака? Не утонетъ-ли тотъ, кто, связавши себя, кинется въ воду? Не отобьетъ-ли ступни ногъ всоихъ ходящій по дресвѣ? Не осрамится-ли неразумно пьющій вино?!“